

A black and white portrait of a middle-aged man with dark hair and a mustache. He is wearing a light-colored shirt and a dark, patterned scarf. The background is a plain, light gray.

ПАОЛА ВОЛКОВА

АРСЕНИЙ
И АНДРЕЙ
ТАРКОВСКИЕ

РОДОСЛОВНАЯ
КАК МИФ

Паола Дмитриевна Волкова
Арсений и Андрей Тарковские.
Родословная как миф
Серия «Мост через бездну»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25013782

Арсений и Андрей Тарковские / Паола Волкова: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-102460-4

Аннотация

Жизнь семьи Тарковских, как, впрочем, и большинства российских семей, полна трагических событий: ссылка в Сибирь, гибель в Гражданскую, тяжелейшее ранение Арсения Александровича, вынужденная эмиграция Андрея Арсеньевича. Но отличали эту семью, все без исключения ее поколения, несгибаемая твердость духа, мужество, обостренное чувство чести, внутренняя свобода. И главное – стремление к творчеству. К творчеству во всех его проявлениях – в музыке, театре, литературе, кино. К творчеству, через которое они пытались найти «человека в самом себе». Найти свой собственный художественный язык. Насколько им это удалось, мы знаем по книгам Арсения и фильмам Андрея Тарковских. История этой семьи, о которой рассказала автор известнейшего цикла «Мост через бездну» Паола Волкова в этой книге, – это образец

жизни настоящих русских интеллигентов, «прямой гербовник их семейной чести, прямой словарь их связей корневых».

Содержание

Об авторе	6
Вступление	7
Часть первая	9
Часть вторая	29
I	29
II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Паола Волкова Арсений и Андрей Тарковские

© Волкова П.Д., наследники, текст, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Об авторе

Волкова Паола Дмитриевна – историк искусств, заслуженный деятель искусств РФ, профессор.

С 1960 по 1982 г. читала лекции во ВГИКе по всеобщей истории искусств и материальной культуре.

С 1976 г. на Высших курсах режиссеров и сценаристов читала лекции по теме «Изобразительное решение фильма».

С 1989 г. была директором «Фонда Андрея Тарковского» в Москве. За время своей работы «Фонд» провел больше двадцати фестивалей и выставок в России и за рубежом, был инициатором и одним из создателей Дома Андрея Тарковского в Юрьевце, на родине режиссера; установил надгробье Андрею на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где он похоронен. Это лишь немного из того, что сделал «Фонд» за время своей деятельности.

Имеет более сорока публикаций в журналах, сборниках статей, каталогах по вопросам современного искусства и отдельным проблемам, связанным с творчеством А. Тарковского.

«Арсений и Андрей» – первая монографическая книга автора.

Вступление

История России есть во многих отношениях история российских родов. Наша книга посвящена одному из них – роду Тарковских. Мы стремились рассказать, как на протяжении столетий живет в отечественной культуре семья Тарковских.

Дагестанские шамхалы, крещенные в православие и соединившие свою родословную с родословными русского дворянства, прошли сквозь всю историю России. Кавказские феодалы, знатные дворяне, русские социал-демократы, советские деятели искусства. Вот краткая история семьи, подарившей не только России, но и миру замечательного поэта и великого режиссера.

Жизнь этой семьи, как, впрочем, и большинства российских семей, полна трагических событий: ссылка в Сибирь, гибель в Гражданскую, тяжелейшее ранение Арсения Александровича, вынужденная эмиграция Андрея Арсеньевича. Но отличали эту семью, все без исключения ее поколения, негибкая твердость духа, мужество, обостренное чувство чести, внутренняя свобода. И главное – стремление к творчеству. К творчеству во всех его проявлениях – в музыке, театре, литературе, кино. К творчеству, через которое они пытались найти «человека в самом себе». Найти свой собственный художественный язык. Насколько им это удалось, мы знаем по книгам Арсения и фильмам Андрея Тарковских.

История этой семьи, которую мы попытались рассказать в нашей книге, – это образец жизни настоящих русских интеллигентов, «прямой гербовник их семейной чести, прямой словарь их связей корневых».

Часть первая

Предания и быль Тарковских, или Родословная как миф

*Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...*

М. Лермонтов

Там я жил над ручьем...

А. Тарковский

«— Видите — растет дуб?... Вон там, огромный... Прекрасный собеседник для вас: ему тоже лет пятьсот...

— Уже пятьсот? Боже! Я ведь помню его еще желудем...»¹

Пушкин на вопрос К.Ф. Рылеева: «Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством?» — отвечает: «Ты сердисься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (NB. Мое дворянство старше)».

Нас интересует родословие, память о наших истоках и тот путь, который прошли предки, чтобы стать в результате нами. Это всегда волнующе, таинственно, сказочно. Предание

¹ Г. Горин. Антология. М., 2000, с. 463.

лежит в основе любой истории и любого родоначалия.

Пушкин возводит свой род к XIII веку, а своих предков — к сподвижникам князя Александра Невского, к некоему Раче. В стихотворении «Моя родословная» называет имя легендарного основателя:

*Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...²*

«Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рача (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во времена княжества Св. Александра Ярославовича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы... Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории»³.

Для Пушкина история его родословной была очень важна. Эти «преданья милой старины» волновали его не как «чванливого» дворянина, но как художника, чья память, чье сознание хранило все тени прошлого, взрывалось ими в творчестве. Особенно интересовался и гордился поэт своими «черными предками» Ганнибалами. О них знала его память и его кровь. Тем не менее историк литературы С.Б. Веселовский в работе «Род и предки Пушкина» замечает: «Переходя из уст в уста, родословные предания деформировались. Самым

² Цит. по: Легенды и мифы о Пушкине. Сб. статей. СПб, 1999.

³ А. Пушкин. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 6, с. 404.

слабым местом этих „творимых легенд“ были *смещения хронологических вех и контоминация разновременных лиц и событий*». Это последнее замечание особенно важно для основного предмета нашего повествования, т. е. легендарной и документальной истории рода Тарковских.

Что до Пушкина, то главным источником для него стало родословное дерево, составленное дядюшкой Василием Львовичем Пушкиным, которое было представлено только в 1799 году для внесения его в «Общий гербовник дворянских родов».

Граф Лев Николаевич Толстой, любопытствуя о первом графе Толстом, считал им Ивана, соловецкого ссыльного сидельца. Он хотел писать о нем роман. Но первым графом оказался выдающийся человек, сподвижник Петра – Петр Толстой, стрелецкий сын, прощенный самодержцем. Толстой, тончайшего ума просвещенный вельможа, был одновременно создателем петровского застенка и ловчим царевича Алексея, за что и пожалован графством, а также и немалыми богатствами, экспроприированными у казненных по делу «царевича Алексея». Граф Петр Толстой со своим сыном и секретарем Иваном был первым политическим заключенным в Соловки при меншиковском бунте. Петр был типичным для своего времени человеком двойной морали. Обнаружив сей желудь своего древа, Лев Николаевич как-то охладел к написанию родословного романа, хотя Иван Петрович Толстой, в отличие от своего отца, был личностью дей-

ствительно близкой толстовскому духу.

«История умственного и общественного развития России едва ли может быть нами понята без частной истории семей». Эта мысль писателя Аксакова – исчерпывающая формула нашей задачи. Особенно если развернуть ее зеркально. История частной семьи (или рода) как история (или зеркало) умственного и общественного развития России. Притом наблюдение Аксакова можно отнести не только к исторически длительному роду, но и к любой семье, дальше бабушки никого не помнящей. Инфраструктура не имеет значения в определении Аксакова. Но имеет значение контекст, вписанность в духовно-культурные, исторические рамки времени, так сказать, антология: личность, семья, род – или наоборот: род, семья, личность.

Род Тарковских древний. Но вряд ли он сегодня интересовал бы нас, если бы не два его представителя. Поэт Арсений и его сын кинорежиссер Андрей. Это они своими именами, своими усилиями в культуре поднимают на поверхность Атлантиду своего рода. «Я ветвь меньшая от ствола России», – вторит Аксакову и Пушкину Арсений Александрович. Его имя, имя его рода действительно часть ствола России – и какая часть! Имя Тарковских носили: кумыкские шамхалы, российские аристократы, российские социал-демократы, советская интеллигенция. Вот она, история умственного и общественного развития России.

Александр Сергеевич Пушкин жил в гербовной дворян-

ской России. Он гордился всеми своими Ганнибалами, выходцами из неметчины Рачами, русским служивым и бунтарским боярством. Впрочем, как и все его современники.

Арсений Александрович Тарковский публичного обсуждения вопроса о своем происхождении не любил. Помните, как Маяковский в стихотворении, посвященном Пушкину, пишет о Дантесе: «Мы бы его спросили – А ваши кто родители? – Чем вы занимались до семнадцатого года?» Вот он, роковой вопрос советского времени. В «Автобиографии» Тарковский пишет: «Родился в Кировограде (б. Елисаветград) в 1907 г. в семье старого революционера, члена партии „Народная воля“, подвергавшегося в 80-е и 90-е годы прошлого века преследованию со стороны царского правительства». Это правда лишь «ближнего круга», и скорее узкая, частично биографическая в отношении отца, о жизни которого в дальнейшем мы расскажем подробнее.

В журнале «Эхо Кавказа» (№ 1, 1996, с. 57) в статье «Из рода Тарковских» приводится автором статьи Аджиевым некий разговор, о котором рассказал Кайсын Кулиев. Кайсын Кулиев – дагестанский советский поэт, он родился, жил и вырос в Дагестане и писал на родном языке. Арсений Тарковский родился и вырос на Украине, жил в Москве и писал только на русском языке, т. е. был исключительно русским поэтом.

Арсений Александрович на вопрос Кулиева о его родословной и его корнях сказал:

- Да, я по отцу из рода кумыкских шамхалов.
- Так зачем же ты это скрывал до сих пор?
- Если бы об этом узнал Берия, разве оставил бы он меня в живых?

Дело, конечно, не в дагестанских корнях, а в родословной, «кумыкских шамхалах», т. е. высшей феодальной знати, да еще в значении этих шамхалов в истории Кавказа, их воинственной и культурной истории.

На фотографии, подаренной 3 ноября 1984 года кумыкам Б. Гамринской и А. Кадырову, Арсений Александрович написал: «Моим дорогим сородичам в память о моих далеких предках. Желаю Вам Большого Добра. А. Тарковский»⁴.

Мы не говорим о многочисленных устных свидетельствах близких к Тарковским людей, да и самого Арсения. Выступая во ВГИКе перед студенческой аудиторией после смерти Андрея Арсеньевича, он подробно останавливался на вопросе о родовой связи с Тарковскими шамхалами.

Дочь поэта Арсения Александровича Тарковского, Марина Арсеньевна, – не сторонница предания о кумыкском шамхальстве. В своей книге «Осколки зеркала» (Изд. «Дедалус», 1999) пишет, что корни родословной уходят в Польшу. Но при этом: «Дедушке кто-то предлагал унаследовать бесхозные табуны и серебряные копии шамхалов Тарковских в Дагестане. Отсюда возникла версия о кавказском происхожде-

⁴ Фотографию с надписью нам прислал профессор РАН Дагестана Абдулхаим Аджиев специально для нашего издания.

нии рода» (стр. 8). Генеалогическое древо Тарковских, написанное на пергаменте и оставшееся после смерти «папиной матери», потерялось. Родословная потеряна, а табуны и копии все-таки почему-то предлагались. Собирая исторические сведения о шамхалах Тарковских, мы пользовались многими источниками. Работами Шапи Казиева, в частности, его уникальным трудом – книгой «Шамиль». Материалами, представленными Институтом литературы и языка РАН в Махачкале, исследованием «О древнем и знаменитом роде Тарковских», сборником сведений о кавказских горцах (вып. I. Тифлис, 1868, переизданный в Москве в 1992 г.); книгой Б. Аджаматова «Шамхалы Тарковские» (Махачкала, 1999) и многими другими.

Информация бывает противоречивой, но это трудности работы с материалом в процессе его изучения. Имеешь ли дело с отдаленностью или близлежанием – единственно правильную версию установить все равно сложно.

Так, например, профессор Абдулхаким Аджиев сообщает о популярной легенде происхождения рода, восходящего к пророку Мухаммеду. «Эту популярную легенду знали, ссылаясь на нее, Арсений и Андрей Тарковские». «Однако исследования последних лет, – пишет далее Аджиев, – делают предпочтительным возведение истоков этого рода к хазарскому периоду. Столица Хазарии Семеизер располагалась на территории нынешней Махачкалы, где находятся выше Тарки».

Но есть и версия о том, что в образовании кумыкского народа основную роль сыграли половецкие племена кипчаков, расселившиеся в середине XI века в Кумыкской впадине Прикаспийского Дагестана. Средневековая генеалогия династии шамхалов Тарковских по сведениям «Сборника кавказских горцев» датируется XIII–XIV веками, т. е. не старше пушкинской Рачи. Как это всегда таинственно, любое зарождение имени, завязь истории, имеющая продолжение. Династия Пушкиных-Ганнибалов дала миру Александра Сергеевича. Этого достаточно.

Династия Тарковских давала на протяжении своей, скажем, семисотлетней истории вспышки несколько раз.

Шамхалы Тарковские испокон века были военно-феодальной знатью, что не мешало им разводить скакунов, снабжая породистыми, привыкшими к горным тропам конями Нагорный Дагестан. Как и повсюду в Дагестане, кумыки изготавливали сукно, ковры, керамику, работали по дереву и металлу, добывали нефть. Изготавливали оружие и торговали им. Одним словом, были богаты, надменны, к тому же характер имели дурной. Письменное же упоминание о них в русских источниках относится к XVI веку.

Известно, что грузинский царь Александр жаловался русскому царю Федору Иоанновичу на набеги горцев, и шамхала Тарковского в частности. И царь, мечтавший о присоединении Грузии к России, решился наказать крупного дагестанского шамхала (князя) Тарковского и отдать его земли

Александрю. Для чего весной 1594 года снарядил войско во главе с боярином Хворостининым. После долгих приключений при помощи казаков столица шамхальства, а также личная резиденция Тарковских Параул была взята штурмом. В 1604 году история повторилась. Тогда на Дагестан пошел Борис Годунов, а во главе войска стоял прославившийся победами над крымцами, ногайцами и литовцами знаменитый воевода Иван Бутурлин. На этот раз он с десяти тысячным отрядом разрушил сердце шамхалата Тарки, но Тарковский шамхал призвал на помощь горцев со всего Дагестана. На этой войне погиб сын Бутурлина Федор.

Шамхалы Тарковские играли большую роль в феодальной истории русско-кавказской политики, были властны, богаты, хитры и достаточно жестоки.

В 1722 году походом на Каспий выступил Петр I. Каспий он называл «морем без хозяина». В Дагестане его встречали по-разному. Но с почетом, понимая всю бессмысленность сопротивления, встретил Петра шамхал Тарковский. Он преподнес Петру богатые дары, за что и сам был обласкан многочисленными почестями. Речь тогда шла даже о присоединении к России. В том же походе Петр заложил крепость «Стан Петра» – предтечу современной Махачкалы.

Политическое значение такого события, как союз России с кумыками предгорного Дагестана, было столь велико, что и спустя сто лет художник-баталист, автор прославленных панорам Франц Рубо запечатлел его в большой живописной

композиции «Шамхал Тарковский встречается Петра I». Со свойственной Рубо документальной тщательностью изображены всякие детали и подробности этой встречи: ландшафт, большие дома-сакли, костюмы кумыков и обмундирование солдат. Шамхал одет в белый бешмет и черную папаху, ноги обуты в сапожки, в руках большое золотое блюдо. Вокруг сыновья, родственники, наибы. Семьи были большие, сыновей много. Мы не знаем, какую линию представляют российские Тарковские. По сведениям РАН в Махачкале – основную, наследственных шамхалов, феодальных владык, возглавляющих Тукхум, т. е. военно-экономическое объединение. Итак, союз заключен, крепость заложена.

Однако история взаимоотношений Петра I и Тарковских так просто не кончилась. Существует две версии. Первая заключается в том, что во время персидского похода и братания с Адиль-Гиреем Тарковским Петр взял к себе одного из его сыновей как залог союза. Была у него такая слабость, создавать вокруг себя империю в миниатюре – по одному от сыновей знатных родов завоеванных провинций. Так сказать, «вариации на тему арапа Абрама Ганнибала». Разумеется, Петр всех крестил, определял в Пажеский корпус, женил, давал назначения. Возможно, «этот залог дружбы» и стал родоначальником елисаветградских Тарковских.

Адиль-Гирей был гостеприимен. Он принимал Екатерину I, князя Волконского и многих других. Братание же с Петром для самого Адиль-Гирея кончилось печально. Кто-то обма-

нул. Как будто при строительстве крепости «Стан Петра» на земле Тарковского тот оказал сопротивление и был заточен, а затем «почетный пленник», как его называли, был сослан на Кольский полуостров. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Но от того, что Екатерина I с Меншиковым сослали в Соловки обоих Толстых, род не прекратился. То же можно сказать о Тарковских. Тема подлежит дальнейшему исследованию.

Однако это не сказка, а присказка. Историческая легенда, правда-ложь еще впереди.

Благодаря договору 1723 года Россия получила Каспий, и море обрело «хозяина». Была составлена и первая карта Каспия, участие в составлении которой принимали культурные шамхалы Тарковские.

Уровень культуры этих людей был действительно очень высок. Носители древних традиций, они были искусными строителями гражданских и военных сооружений. «Их искусство сделало бы честь европейскому инженеру», – писал в донесении генерал Головин. Без всякой натяжки можем сказать, что кумыки Тарковские были и самостоятельными участниками большой политики, и деятелями культуры. Кстати, та карта Каспия оказалась столь значимой для науки, что Петр был избран за этот труд почетным членом Парижской Академии наук.

К шахско-шамхальской линии семьи Адиль-Гирея принадлежал в XVII веке Асхар-Алхас Тарковский – правитель

Эривана и Ширвана, полководец Ахметдин-Джингул Тарковский, победитель иранского шаха Надира. Но главное, родным братом Адиль-Гирея был великий поэт и просветитель Али Хан Валех Тарковский (1710–1756), составитель антологии «Сад поэтов», где собраны произведения и биографии 2594 поэтов и ученых Востока.

Прошло сто лет. История продолжается. Ни мира, ни покоя. В 1821 году генерал Ермолов утверждает русскую власть в шамхальстве, закладывая вблизи Тарков крепость Бурную. Генерал Ермолов пишет донесение относительно полного усмирения горцев в результате операции, проводимой с генералом Пестелем. Тарковские, как мы знаем, вновь на стороне России: «Часть его владений (султана Ахмедхана Аварского) обратил я... в пользу шамхала Тарковского...»

С 1830 или 1834 года, когда начинается движение Шамиля, шамхал Тарковский Абу-Муслим в чине генерал-майора царской службы воюет на стороне России. Этому предшествовали различные события: одно романтическое, другое – политическое, третье – религиозное.

Грузинскому князю Аслан-Хану было нанесено смертельное оскорбление. Обещанную его сыну девушку отдали в дом шамхала Тарковского. Такие шутки не прощаются. Это были игры и страсти шекспировского накала.

Шамхал тем временем принимает христианство и переходит на службу к Николаю I, получив чин генерала и права для сыновей и потомков на все времена иметь привилегии рус-

ской аристократии, включая обучение в Кадетском корпусе. Составитель книги «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими» Е.П. Карнович пишет: «Затем от императора Николая получили: камер-паж султан Сагиб-Гирей-Чингис, как старший сын умершего султана внутренней Киргизской орды; по смерти его княжеский титул перешел к его младшему брату; – и шамхал Тарковский, которому был предоставлен титул княжеский по праву первородства»⁵. Много интересного можно узнать из этой книги, в частности и то, что одновременно княжеский титул был пожалован статс-даме графине Ливен, графу Кочубею и т. д.

Бравый дагестанский генерал русской армии князь Тарковский был, по сведениям архивных источников, предоставленных нам из Махачкалы Институтом языка и литературы, настоящим, высокообразованным представителем российской аристократии. Политический деятель, входивший в круг поэта Ахундова, Ал. Бестужева-Марлинского, легендарного князя Барятинского, боевого генерала Граббе, под началом которого служил, по слухам, даже Александра Дюма. Он был женат первым браком на азербайджанской поэте, певице и переводчице Натаван. Второй брак связал его с Европой.

На стороне России под командованием генерала Граббе шамхал князь Тарковский воевал с Шамилем, участвовал в битве при Аргвани и штурме Ахульго. Он был боевым ге-

⁵ Е. Карнович. Родовые прозвания и титулы в России. СПб, 1886, с. 189.

нералом и завершил войну в должности флигель-адъютанта, отмеченный наградами. Художник Г. Гагарин вместе с Т. Горшельдом и Рубо в своих рисунках оставили многочисленные свидетельства событий той войны. Среди особо ценных для нас рисунков портрет шамхала Тарковского, уже князя, генерала русской армии. Он одет богато. В белой шерстяной черкеске с газырями, на кожаном наборном поясе кинжал, шашки, нагайка. На нем суконные желто-алые штаны и мягкие сапожки. Генерал Тарковский одет в национальную одежду, но пострижен, побрит (без бороды), с красивыми усами. Одним словом, щеголь «николаевской эпохи». Тогда русские офицеры часто носили кавказскую одежду. Такая мода была укоренена в русской армии, воевавшей на Кавказе.

История Тарковских собирается из дошедших до нас мизерных сведений от периода полуполюгендарной истории до принятия православия в начале XIX века и после, когда кумыкские шамхалы становятся российскими князьями, военными и служивыми дворянами государства Российского.

Между прочим, наряду с властностью, отвагой и независимостью, талантливостью и высокой культурой – современники отмечали жестокость кумыкских шамхалов. Насилие вызывало у Шамиля отвращение, никогда не было нормой его политики и проявлялось только в ответ на еще большее насилие. Шамиль мог смягчить наказание и никогда не поступал более жестоко, чем требовали законы шариата. В фе-

одальных владениях на глазах царских властей совершались куда более жестокие наказания. Ханы Аварии сбрасывали неугодных с высокой скалы в реку. Аслан-хан Кюринский выменивал дочерей провинившихся крестьян на лошадей. Шамхал Тарковский приказывал выкалывать глаза, отрезать уши.

Все, конечно, может быть. Вопрос в том, кто пишет историю. Куда повернут магический кристалл.

Единый некогда род раскололся минимум на две ветви. Одна из них остается по сей день в Дагестане. Другая – бурно расцветает в Елисаветграде на Украине.

Мы не знаем самого главного содержания того пергамента, который был утерян. Его хорошо знал Арсений Александрович. Утрата таинственная, так как не в правилах Арсения Тарковского было выбрасывать семейные реликвии, о чем красноречиво свидетельствует его собственный архив.

Гасан Оразаев, кандидат исторических наук Института истории, археологии и этнографии ДАН, и Абдул-Хаким Аджиев, доктор филологических наук того же ДАН, предоставили нам составленные в 1992 году свои версии родословной, не идентифицированные ни с русскими именами по мужской линии, ни с историческими данными. Относительно деда Арсения Александровича Карла Матвеевича Тарковского не дает разъяснений и книга Марины Тарковской «Осколки зеркала». Это слабое звено на линии перехода Тарки – Елисаветград. Слабое, но не безнадежное. Ведь этим

никто до сих пор не занимался.

На кладбище в Тарках сохранились заброшенные, прекрасные и печальные резные надгробные стелы предков с надписями на арабском языке.

*Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на камнях
Горделивой земли.*

Арсений Тарковский. «Дагестан»

Когда «тогда»? В 1938 году, всего вероятнее. Поэт Дагестана Аткай Аджаматов, хорошо знавший Тарковского, вспоминает, что, когда жители Тарков узнали о приезде Арсения Александровича, старцы пришли в гостиницу «Дагестан». Они постучали в дверь, вошли и встали перед ним на колени по обычаю традиционного приветствия князя. Подчеркиваем, это был 1938 год. «Арсений взял с собой нужные рукописи и вернулся к себе домой в Москву», – пишет Аткай Аджаматов. Можно понять.

Историческая и легендарная история династии кумыкских шамхалов не оборвалась, она имеет странный отзвук.

В газете «Русская мысль» от 24.02-1.03.2000 года опубликована статья, которую мы приводим целиком вместе с фотографией. Это голос из прошлого – в Никуда.

Хайбат Тарковская-Мухтарова

Разыскивает дядю и тетю

«Вот уже много лет я разыскиваю своих близких: моего родного дядю – князя Тарковского Хана, который уехал в 1919–1920 гг. из Дагестана во Францию (оттуда, говорят, он перебрался в Турцию, где, по слухам, жил и работал в Измире – то ли преподавал в университете, то ли работал в Госбанке), и тетю – княгиню Тарковскую Солтанат, которая тоже уехала во Францию, где и осталась вместе со своей гувернанткой Августиной. Я их единственная племянница и очень хочу узнать, как сложилась их судьба.

Мой дядя Хан – уроженец села Бойнак (Дагестан), сын князя Зубаира Тарковского, тетя Солтанат – дочь князя Шамсутдина Тарковского, племянница моего родного деда Зубаира.

Я – княгиня Тарковская-Мухтарова Хайбат, родилась в 1919 г., проживаю в г. Махачкале. Будучи ребенком, я вместе с отцом (мама умерла) была выслана в Среднюю Азию. Прожила трудную жизнь. Сейчас мне 80 лет, и кто знает, сколько мне еще осталось, а так хочется получить какое-нибудь известие о моих родных».

Хайбат Тарковская-Мухтарова по-прежнему называет себя княгиней. Она практически ровесница поэту Арсению Александровичу Тарковскому. Судьба сложилась так, что они и знать не знали и слыхом не слыхивали ничего друг о друге. Что вполне понятно, вполне объяснимо. На фотографии двое в европейских костюмах начала XX века. Они, словно листья, гонимые по миру ветром, все тем же ветром истории.

Году в 84-м Андрей Тарковский приобретает в Тоскане землю и дом со старинной, сложенной из крупных блоков камня башней, типичной для средневековых крепостных построек.

Дом... Дерево... Постоянные, устойчивые, сквозные мотивы, образы. Они и явь, они и сон, воспоминания, необходимость. «...Поэзия меньше всего – литература; это способ жить и умирать...» – слова Арсения Тарковского могут быть эпиграфом к любому фильму и всей жизни его сына Андрея.

Мы хорошо знаем, «памятей» бывает много: бытовая, интеллектуальная, историко-культурная. Память воспоминаний. Память снов. Совесть – это тоже род памяти. Поскольку память – часть нашего сознания.

Дом-крепость на горе в Сан-Григорио не только осуществленная мечта Андрея о собственном прочном доме. Дом в Сан-Григорио, вероятно, бессознательный выбор памяти, сознательно и вполне логично аргументированный.

*И хлеба земного
Отведав, прийти
В свечение слова
К началу пути.*

*Я сын твой, отрада
Твоя, Авраам,
И жертвы не надо
Моим временам.*

Арсений Тарковский. «Белый день».

К началу пути, к истоку... Дом в Сан-Григорио – зыбкий отпечаток старинного негатива дагестанского обиталища Парлаул. До Тосканы, и в жизни, и в фильмах, в воспоминаниях и снах был дом совсем иной.

Дом Андрея в Италии – тень воспоминаний. Он также и дом «волшебной горы» Томаса Манна (в его планы входила экранизация этого романа).

Каменная «Башня» Сан-Григорио – воплощение идеи Дома с большой буквы, под крышей которого найдется место для друзей. Судя по фильму швейцарского режиссера Эббо Дэмонта «Странствия и смерть Андрея Тарковского», замысел перестройки Дома предполагал сращивание двух идей: идеи собственного удобного жилья с некой новой идеей Форума или Академии искусства. Мы помним, как художественная память Тарковского спроецировала в фильме «Зер-

кало» маленький старинный волжский городок Юрьевец на картину «Охотники на снегу» Питера Брейгеля. В конце пути, на излете жизни, «тени забытых предков» опустевшего Дома вступали в права жизни иной, под крышей каменной башни Дома Тарковского в Тоскане. Увы!

*А на выезде плачет жена,
Причитая и руки ломая,
Словно черные кони Мама*

*Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер бьет, и звенят стремяна.*

Арсений Тарковский. «Проводы»

Часть вторая

На берегах Ингулы

*Я так давно родился...
Я ветвь меньшая от ствола России...
Отец стоит на дорожке. Белый-белый день...*

А. Тарковский

I

На живописных берегах реки Ингулы, притока северного Буга, в середине XVIII века повелением государыни Елизаветы возвели военный форт – «Крепость св. Екатерины». Дрёмные заросшие берега Ингулы что твои малороссийские джунгли, заповедное место охоты на диких уток и речную рыбу.

*Качается ветер, в песке шелестит,
И все навсегда остается таким.
А где стрекоза? Улетела. А где
Кораблик? Уплыл. Где река? Утекла.*

«Река Сугакля уходит в камыш...»

По замыслу строителей крепость должна была стать форпостом, линией, укреплявшей границы Малороссии против новой Сербии. «Фортеция св. Екатерины» была к тому же чем-то вроде оазиса посреди степи. Еще в начале XX века и даже 20-х годов по степи кочевали цыгане, подолгу оседая табором неподалеку от города. «Я родился в степях... В тех теплых степях кровь моя и душа моя», – так написал о себе украинский писатель, житель Елисаветграда Владимир Винниченко. В книге «Путешествие по России» академик Петербургской Академии Иоган Антон Гильденштедт описывает крепость, где «наличествует 2400 жителей обоих полов». Три батальона под командой артиллерийского генерала. И далее дотошный Иоган Антон разворачивает унылую картину жизни, перечисляя дома, постройки, крытые только соломой, скотину, гусей, словом, захолустное существование. И вот за двадцать лет крепость стала городом Елисаветградом, из военного ведомства перейдя ведомству гражданскому с населением 60,5 тысячи жителей к 40-м годам XIX века. Секрет чуда был не в рекордно скоростном размножении гарнизона, а в специальном указе о расширении пределов крепости и заселении Елисаветграда пестрым по национальному составу населением. Переселенцы Западной Украины, Польши, Болгарии, Сербии. Сюда пришли малороссы, поляки, молдаване, евреи, болгары. Город «упал» в степь на западной окраине Малороссии, подобно тому как Петербург «упал» на берега Невы. Подобно Петербургу Елисаветград

строился быстро, сразу, инициативными, жаждущими жизни людьми. Но в отличие от великого чуда творения Северной Пальмиры с его имперской сословной субординацией, Елисаветград был похож на пестрое лоскутное одеяло. Оно сшито из квадратиков ткани, различных узором и фактурой. И уж если «лоскутное одеяло», то и терпимость к иному способу выражения себя, его составных частей. Елисаветград был веротерпим и демократичен изначально. В этом феномене внутренний секрет города, как бы изначально заложенная его судьба и биография. Елисаветград стал городом, родившим украинский национальный театр, музыкальную культуру мирового уровня, писателей, поэтов, политических деятелей, ученых. И если поэтов, то Арсения Тарковского, если политических деятелей, то Льва Троцкого, а если музыкантов, то Генриха Нейгауза.

Тарковский – православный, дворянин.

Нейгауз – лютеранин, из среды потомственных музыкантов.

Троцкий – иудей, его отец научился читать только в старости.

Уже в 40-е годы XIX века в городе бурлила жизнь. Мукомольная промышленность, пивоварение, торговля хлебом на экспорт, переработка фруктов – всего не перечесать. Согласно данным энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона в 40—50-х годах в городе насчитывалось шесть церквей православных, две единоверческие, лютеранская, католиче-

ская, три синагоги. Две гимназии, реальное училище, юнкерское училище. Своя метеорологическая станция. Лечебницы, богадельни, приюты. Книжных лавок – девять, городских библиотек – три. А вот тюрьмы толком не было. И когда в 80-х годах начались аресты «народовольцев» и других вольнодумцев, оказалось, что негде ни содержать, ни вести дознание. В дальнейшем возникла и «полицейская управа» и «жандармерия», однако тюрьма появилась не сразу. Дело в том, что Елисаветграду и его жителям повезло. Город не был уездным. Уездным был Херсон. Так что настоящие тюрьмы были в Херсоне, Одессе, Харькове. Белый, утопающий в зелени каштанов и акаций, славившийся своими бахчами, садами и арбузами, «неуездный» Елисаветград несколько не походил на гоголевский Миргород с лужей посередине. Не было «лужи» ни в прямом, ни в метафорическом смысле. Быть может, в силу своей родовой истории Елисаветград и не был типичной для России провинцией. За ярко выбеленными стенами одноэтажных домов шла нормальная обывательская жизнь будней и праздников, радостей и бед. Обывательская, но не провинциальная. Ведь, в сущности, «провинция» никогда не была понятием чисто географическим. Провинциальность, прежде всего, понятие «культурное» и непостоянное. Государство – «столица» и «окраина» – координата временная. В культуре «временная». Административная столица не всегда совпадает с понятием «непровинциальности», когда речь идет о культуре, искусстве.

Провинция там, где духовно-культурная жизнь обслуживает обывательский уклад, точно соответствуя рутинным представлениям, т. е. отставая от себя самой. Провинциальность в культуре всегда только региональна.

Авангардизм начинается с «еще не бывшего». А дальше вопрос: насколько обывательское большинство готово? Готовность общества Елисаветграда к своему культурному «ренессансу» таилась во внутреннем динамизме и напряжении его жизни, его стремлении к обучению. Елисаветград от начала 70-х годов XIX и по 20-е годы XX века переживает культурный расцвет в полном смысле слова.

II

Дед Арсения и прадед Андрея Карл Матвеевич Тарковский – дворянин, помещик, землевладелец, товарищ генерал-губернатора, то ли основатель, то ли председатель Дворянского собрания города. Он вышел в отставку в чине ротмистра и посвятил жизнь семье и общественной жизни города. Это было в позапрошлом веке. «Так давно, когда душа человека еще была бессмертна», – так примерно выразился бы Редьярд Киплинг. А Фаина Георгиевна Раневская сказала иначе: «Знаешь, мой дорогой, я так стара, что помню порядочных людей». Одним словом, это действительно было в иной цивилизации, хотя многих из героев нехитрой нашей истории можно назвать современниками.

«Родословная», хранившаяся в документах семьи, таинственно исчезла. Все архивы Жандармского Управления города (а именно там и хранились основные архивы) также таинственно исчезли уже после революции⁶. Известно также, что Карл Матвеевич принимал участие в создании и организации Юнкерского училища Елисаветграда. Женат на крещенной в православие Марии Каэтановне Кардасевич. Сме-

⁶ Идентификацией «дагестанской» родословной и поисками недостающих звеньев мы кропотливо занимаемся, этому будет посвящена специальная публикация, поскольку мы сторонники кавказских корней рода Тарковских. И это принципиально.

шанные в этническом и социальном отношении браки были широко приняты, как мы упоминали, в многонациональном, пестром Елисаветграде. Карл Матвеевич – знаменитый, состоятельный, уважаемый в своем городе человек. Сколько можно судить, брак был счастливым, а семья – гармоничной. У Карла Матвеевича и Марии Каэтановны было пятеро детей, но в живых осталось трое: Надежда, Вера – погодки – и с десятилетним отрывом Александр, любимец и баловень семьи. Сестры его боготворили. Звали «Сашенька».

Александр Карлович вспоминает: «Я родился в селе Николаевке в 25 верстах от Елисаветграда. Это небольшое селенье состояло из одной улицы и нашей усадьбы, стоявшей несколько поодаль, по другую сторону пруда расположилось селение Кардашевка и каменная церковь, игравшая большую роль в моем духовном развитии. Я родился не в усадьбе, а в хате на склоне к пруду, потому что наш дом еще только строился, и наша семья временно занимала эту хату. Рассказывают, что во время моего рождения отца не было дома»⁷. Это было 12 июня 1907 года. Александр Карлович писал «Биографию» на склоне лет, когда жизнь была уже почти прожита. «Прошлое отходит куда-то далеко-далеко и кажется таким маленьким, точно смотришь на него с обратной стороны». Он тщательно отбирает слова и эпизоды. «Родился не в усадьбе, а в хате...» Помещиком уже не был, а прошел жизнь

⁷ Архив А. А. Тарковского. Фонд № 830. Коробка № 6. Папка № 12. СПб, Институт литературы и русского языка (Пушкинский Дом).

героев своего времени, нового витка духовных исканий через искус «Народной воли».

Сыновья шамхалов ассимилируются в русской православной помещичьей традиции, а их сыновья – уже русская демократическая интеллигенция. Одним из них был Александр Карлович Тарковский.

В 1872 году неожиданно, в один день, холера уносит Карла Матвеевича и Марию Каэтановну. Осиротевшие Вера и Александр уходят в дом к Надежде Карловне. Вера вскоре после сестры выходит замуж за русского офицера – полковника Вл. Дм. Ильина, и уезжает по месту службы мужа.

Вера Карловна, где бы она ни была, никогда не теряла связь с сестрой и обожаемым «Сашенькой». Уже позже, когда судьба «народовольца» Александра Тарковского бросала его от Шлиссельбурга до Сибири, – Вера оказывалась рядом. Оставив семью и сына, она ездила за ним, готовила еду, носила передачи. Такие вот они были – Тарковские.

Надежда Карловна заменяет Саше мать.

Наследство Карла Матвеевича, недвижимость, какие-то деньги и более 600 десятин земли осталось детям. По закону основным наследником считался мальчик, но Александр Карлович разделил все поровну между собой и сестрами, а труд управления взял на себя рачительный Иван Карпович Тобилович, официальный опекун молодого Тарковского. Надежда Карловна с Иваном Карповичем поженились за год до смерти родителей. Брак был драматичным и много крови по-

портил родителям. Это был «мезальянс». Они не были равней. Богатая, прекрасно образованная наследница дворянина Карла Тарковского и секретарь полицейской управы Иван Тобилович. Но не была б Надежда Карловна Тарковской, если бы не настояла на своем. Очень любили они друг друга, елисаветградские Филемон и Бавкида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.